

Ван Юань говорил, что корень «аутизма» Фэн Юаньси кроется в его неспособности нормально взаимодействовать с людьми.

Согласно его книжным бредням, подобное состояние можно исправить «тренировками», а главное в этом деле – относиться к нему как к обычному человеку.

Что значит – к обычному?

Общение между людьми сводится к беседам, пирам, сборам да прогулкам, а порой и к обмену любезностями да памятливыми подарками.

Сяо Чжоцин тут же вспомнил сломанный лук Фэн Юаньси.

Судя по тому, что лепетали те двое евнухов, моля о пощаде, лук этот много лет назад прибыл в качестве дани из Западного края, Фэн Юаньси пользовался им долгие годы и наловчился изрядно.

Однако в тот день Фэн Юаньси вознамерился спуститься к озеру за дикими гусями, евнухи бросились его останавливать, и в последовавшей возе лук неосторожно уронили и сломали.

У Сяо Суна тоже был такой же роговой лук из Западного края. Но он занимался боевыми искусствами всего три года и слабый лук в один ши еще не мог натянуть, а потому, едва заполучив оружие, с досадой забросил его на дно сундука.

Раз так, лучше отдать его тому, кто в нем нуждается.

Услышав, что любимое семейное сокровище внезапно забрал второй брат, Сяо Сун испытал настоящий удар молнии. А когда до него дошли слухи, что брат вовсе не собирался убивать князя Лянь, он со слезами и воплями бежал за повозкой Сяо Чжочина целых пол-лицы.

Пока Сяо Чжочин не отправил Фусюэ передать, что обещает заказать ему в ресторане «Восемь пьяных небожителей» крабов в вине на целый месяц вперед, Сяо Сун не уговорился и послушно отправился домой.

Ладно уж, коль скоро отдать императору – так тому и быть, всяко лучше, чем дарить старому псу князю Лянь.

Сяо Сун, уплетая крабов в вине, великодушно простил родного второго брата.

В этот день Сяо Чжочин благополучно вошел во дворец.

Ли Хэюн расписал для Фэн Юаньси учебу чрезвычайно строго, поэтому, помимо больших и малых утренних докладов, Сяо Чжочину не нужно было с утренней зарей спешить в ведомство для отметки – требовалось лишь вовремя являться во дворец обучать государя.

Евнух, указывавший дорогу, провел его во дворец через ворота Кайян, миновал длинную улицу, и вскоре они прибыли в двор Изогнутой Террасы – место, где император предавался лечению.

Его построили по приказу князя Лянь в северо-восточном углу императорского города в те годы, когда тот велел обустроить лечебницу для императора.

Ходили слухи, что двор Изогнутой Террасы полон яшмовых теремов и золоченых палат, увитых жемчугами и драгоценными ветвями. Туда со всех концов света свезли редкие деревья и цветы, а воды плинхуаского пруда отвели так, что чистый ручей прорезал усадьбу с запада на восток, напоминая бурный поток Янцзы.

Вот только строился двор Изогнутой Террасы уже почти десять лет.

– Ваша светлость, берегите ноги, – услужливо предупредил евнух, шедший впереди, и распахнул перед Сяо Чжочином массивные ворота двора Изогнутой Террасы.

Сяо Чжочин поднял глаза: перед ним предстало пышное запустение.

Многоярусные палаты гордо возвышались к небу, но меж разноцветных поливных черепиц

буйно разрослась сорная трава. Повсюду пестрели диковинные цветы и деревья – многие из них Сяо Чжочин видел лишь на страницах книг, – однако лишенные ухода, они скалили зубы вдоль дорожек и росли диким, буйным порядком.

В огромном дворе Изогнутой Террасы царила зловещая, пугающая тишина.

– Император не любит, когда при нем кто-то прислуживает.

Евнух виновато улыбнулся, бледный от пережитого страха, и остановился.

– Прошу прощения, Ваша светлость, дальше этот раб проводить вас не смеет.

Шедший позади Фусюэ изумленно вытаращил глаза.

Это еще что значит? Двор Изогнутой Террасы – логово дракона, пещера тигра или жуткое подземелье желтых источников?

– Благодарю.

Сяо Чжочин, однако, расспрашивать не стал, шагнул вперед и ступил на территорию двора Изогнутой Террасы.

Он не знал, почему во дворце все поголовно почитают Фэн Юаньси за злобного демона. Но он уже однажды перешагнул порог смерти, и даже явись перед ним настоящий бес, вряд ли тот сумел бы его напугать.

Двор Изогнутой Террасы простирался широко, петляя мрачными и извилистыми тропами. Ни следа людей, ни щебета птиц – кругом лишь унылая, мертвящая тишина.

Порыв ветра пронесся над головой, заставив листву зашуршать так зловеще, что по спине пробежали мурашки.

– ...И вот здесь живет Его Величество? – дрожащим голосом спросил Фусюэ, прячась за спиной Сяо Чжоцина.

Сяо Чжоцин поднял взгляд.

Прямо перед ним вздымались ряды белокаменных ступеней, ведущих наверх. Главные двери двора Изогнутой Террасы были распахнуты настежь, шелковые полотнища полоскались на ветру, и внутри зияла пугающая, зловещая пустота – ни души.

Сяо Чжоцин сделал шаг к лестнице.

– Молодой господин!!

Свирепый, пронзительный вихрь внезапно поднялся прямо от земли, и Фусюэ за спиной испустил дикий вопль.

Сяо Чжоцин поднял глаза: в ослепительном сиянии солнца блеснула золотая вспышка, и громадная черная тень, заслонив собой небеса, стремительно ринулась на него.

Все произошло в мгновение ока, затмевая солнце; ледяной, свирепый ветер резал глаза, и в ту же секунду Сяо Чжоцин перестал что-либо видеть.

Фусюэ сзади со страху кубарем полетел на землю и, кувыркаясь, бросился вперед, пытаясь заслонить господина.

Но разве он успел бы?

Ветер свистел страшнее клинков, принося с собой густой, тошнотворный запах крови. Сяо Чжоцин даже не успел разглядеть очертания чудовищной тени, как из нее выпростались несколько острых золотых крючьев и метнулись прямо ему в лицо.

– Дунцзюнь.

В этот момент сверху донесся холодный голос, тронутый свойственной юношам хрипотцой.

Золотые крючья замерли всего в трех дюймах от лица Сяо Чжоцина.

Взметнувшиеся волосы опалили щеку, а рассекавший воздух кровавый вихрь круто развернулся перед самым его носом.

Сяо Чжоцин вскинул голову и увидел гигантского золотого орла. Размах его крыльев достигал добрых семи-восьми чи, и когда птица взмывала вертикально вверх, казалось, будто ее крылья заслоняют солнце.

С шустрым клекотом она взлетела на глазурованную крышу двора Изогнутой Террасы.

Там, на самой вершине крыши, всю залитой полуденным солнцем, сидел Фэн Юаньси, подогнув одну ногу. Стоило ему взмахнуть рукой, как когти, подобные острым крючьям, тяжело опустились на его согнутую руку.

Орел повернул голову, и пара ярко-золотых хищных глаз вместе с мрачным взглядом Фэн Юаньси уставилась на Сяо Чжоцина.

– Молодой господин, молодой господин, вы целы?!

Фусюэ подскочил к нему, с ног до головы перепачканный пылью, и, совершенно позабыв о том, кто восседает на крыше, принялся суетливо оглядывать Сяо Чжоцина.

К счастью, его господин сохранял невозмутимый вид, источая холодное спокойствие, в котором сквозило даже некое лихое изящество.

Фусюэ невольно зауважал его от всего сердца:

– Не зря вы – это вы! Мелкий чуть со страху душу не вытряхнул, а вы и глазом не моргнули!

Разве не испугался?

Сяо Чжочин молча выдохнул скопившийся у груди тяжелый воздух, и его замершее сердце наконец ожило, постепенно возобновляя размеренный стук.

Кровь прилила к обледеневшим конечностям, возвращая ему чувствительность.

Сяо Чжочин не ответил, лишь молча переводя взгляд на человека и птицу на крыше, после чего почтительно поклонился.

– Ваш покорный слуга, новоназначенный младший министр храма Дали Сяо Чэ, приветствует Ваше Величество.

Ваше Величество!

Фусюэ запоздало сообразил и с испугу рухнул на колени за его спиной.

Фэн Юаньси не удостоил его ответом, да и Сяо Чжочин не счел это нужным – в конце концов, он смотрел на крышу так, будто там сидела всего лишь не умеющая говорить каменная химера.

– Этот подданный прибыл по высочайшему повелению обучать Его Величество грамоте. Занятия начинаются в час кролика и завершаются в начале часа лошади; ныне час кролика минул уже на четверть часа, и мы просим Ваше Величество изволить пожаловать в главный зал.

Мгновение спустя сверху донесся звон черепицы под тяжелыми шагами.

Фэн Юаньси поднялся, одной рукой удерживая золотого орла, и сиганул с крыши вниз. Раздался громкий стук, и он приземлился прямо перед Сяо Чжочином.

Этот грозный выход выглядел куда страшнее, чем появление гигантской птицы.

Фусюэ за его спиной задрожал всем телом, Сяо Чжочин же неподвижно замер в глубоком поклоне, ожидая, пока владыка соизволит позволить ему выпрямиться.

Острые перья хвоста орла мазнули по щеке, а Фэн Юаньси, не говоря ни слова, прошел мимо него и остановился рядом.

– Что это?

Сяо Чжочин обернулся и увидел, что деревянный ящик с луком опрокинулся на землю.

Из-за внезапного нападения Фусюэ выронил поклажу, а затем в панике бросился проверять состояние господина, так что они оба совершенно позабыли о привезенном даре.

Верно. Он явился с этим «подарком», лелея дерзновенную надежду бросить вызов самой судьбе.

Вспомнив наглого Ван Юаня из своего сна и слезы старшей сестры, Сяо Чжочин шагнул вперед, открыл ящик и достал лук.

...Тяжелый.

Мощные луки из Западного края славились толщиной и грубой силой, а материалы для их изготовления подбирались на совесть.

Ухватившись за рукоять, Сяо Чжочин почувствовал, как руки мгновенно отяжелели. Собравшись с силами, он приподнял оружие, подхватил корпус обеими руками и почтительно протянул его вперед.

– Лук Вашего Величества сломался, но у этого подданного в доме как раз нашлся отменный лук, который я дерзаю поднести Его Величеству.

Изысканная, безупречная осанка Сяо Чжочина была у него в крови: несмотря на то, что лук давался ему с трудом, руки при поднятии оставались плавными, линия тела – горделивой, и любое его движение радовало глаз.

Вот только в таком положении невозможно было опереться на силу мышц – руки повисли в воздухе, и их тут же свело тупой, ноющей болью.

Сяо Чжочин молчал, исподтишка до боли сжимая челюсти.

Нынешний император вел себя совсем не так, как обычные люди, и Сяо Чжочин вовсе не рассчитывал, что тот с ходу примет этот длинный лук.

Для него этот тяжелый лук был лишь первой попыткой испытать волю небес, и даже если эта ноша превышала тысячу цзиней, он был намерен удержать ее собственными руками.

...И всё же, до чего же он тяжел.

Сяо Чжочин поднял лук выше головы, и его руки невольно задрожали.

Неловко вышло, задрал слишком высоко...

Однако Сяо Чжочин даже не успел испытать досаду, как в следующее мгновение руки разом полегчали – вся тяжесть куда-то исчезла.

Фэн Юаньси одной рукой перехватил лук и, опустив взгляд, с ленивым безразличием оглядел его.

Сяо Чжочин опустил руки, тяжело выдохнув.

Взял – значит, всё верно, он не ошибся в догадках. Если бы Фэн Юаньси действительно был безумен настолько, как утверждал Ван Юань, разве смог бы он стать главным противником этого самого Ван Юаня?

– Время пришло, просим Ваше Величество изволить пройти в зал: сегодня нам предстоит прочесть три статьи, – своевременно напомнил Сяо Чжочин.

На сей раз Фэн Юаньси проявил неожиданную сговорчивость.

Едва умолк голос Сяо Чжочина, как он, с луком в одной руке, развернулся и зашагал к дверям

главного зала двора Изогнутой Террасы.

Даже стоявшего на коленях Фусюэ увиденное повергло в оцепенение.

Почему Его Величество вдруг стал таким покладистым? Перед его господином он выглядел словно норовистой конь, которому соизволили пригладить гриву!

Неужели этот кусок шелковицы и впрямь оказался столь полезен...

– Следуй за мной.

Сяо Чжочин бросил через плечо холодно-безучастное напоминание и последовал за Фэн Юаньси по нефритовым ступеньям.

Внутри царила мертвая тишина; утреннее солнце пробивалось сквозь оконные решетки, отражаясь на темных и ледяных золотых кирпичах. На возвышении одиноко стоял императорский стол, усыпанный свитками докладов – те валялись вокруг в беспорядке, некоторые уже успели выцвести, явно заброшенные на долгие месяцы.

Фэн Юаньси поднялся по ступеням, но вовсе не затем, чтобы взять книгу.

Он подошел к трону, вытянул из-за спинки боевую стрелу, наложил ее на тетиву, и лук силой в три даня под его пальцами легко изогнулся тугим полумесяцем.

Натянутая тетива блеснула ледяным холодом; Фэн Юаньси неторопливо развернулся, и сверкающий наконечник стрелы медленно опустился, целясь прямо в Сяо Чжочина.

Сяо Чжочин: – ...

Опять двадцать пять.

Золотой орел вновь сорвался с места, взмывая ввысь и кружа под потолком, словно выжидая момента, когда можно будет вонзить когти в разорванное горло добычи. Снаружи донесся неистовый собачий лай – низкий и гулкий, заставивший загреметь тугие цепи.

Фусюэ позади снова лишился сил в ногах, грохнулся коленями на ступени и принялся отчаянно колотить лбом пол, моля императора о пощаде.

Но Фэн Юаньси казался совершенно глух к мольбам, неторопливо выверяя прицел, а сухожилия на его пальцах, сжимавших тетиву, побелели от напряжения.

Встретившись взглядом со сверкающим наконечником, Сяо Чжочин прикрыл глаза.

Умереть так умереть: раз уж родился на свет, смерти не миновать, коли не сейчас, так в другой раз.

Он понятия не имел, как в мире Ван Юаня называют подобное состояние вроде «сломать защиту», он знал лишь одно: когда человека раз за разом швыряют к вратам ада, рано или поздно в нем наступает озарение.

Привыкаешь умирать – и страх перед смертью исчезает.

После короткой паузы Сяо Чжочин раскрыл книгу и разгладил ее перед собой.

– Прошу Ваше Величество взглянуть. Первая глава «Шу цзин» – это «Канон Яо». В «Каноне Яо» сказано: «В древности император Яо обладал мудростью и проницательностью, и свет его озарил Поднебесную». Эти слова означают...

Как и планировалось на сегодня, он начал урок, вещая перед нацеленным на него императорским луком.

– Свист!

Со стоном сорвалась тетива, рассекая воздух свирепым порывом.

Сяо Чжочин равнодушно опустил ресницы, но пронесшийся мимо ветер лишь взметнул пряди у его висков.

Раздался звонкий удар – стрела намертво впилась в стоявшую за его спиной ширму из слюды.

Ширма рухнула от удара, и в тот же миг тишину разорвали испуганные вопли.

Сяо Чжочин в изумлении обернулся.

Оказалось, что за этой ширмой, трясаясь от страха, прятались по меньшей мере семеро или восьмеро евнухов и служанок.

Стоило стреле пронзить преграду и обрушить ширму, как толпа с воплями бросилась рассыпаться в стороны, падая на колени и моля о пощаде.

Будто разбили пагоду, изгоняющую злых духов, и из нее градом посыпались визгливые бесы...

Огромный двор Изогнутой Террасы в одно мгновение наполнился шумной суетой.

<http://bllate.org/book/18810/1865677>